

А.В. СУВОРОВ в «Журнале Министерства Народного Просвещения»

1

Александр Васильевич Суворов — первая шпага России, генералиссимус, память о котором помогала Родине и после его смерти — в Отечественной войне 1812 года, в Великой Отечественной войне. Этот мужественный гений, находивший пути к победе в самых экстремальных ситуациях, поможет нам в исполнении *нашего долга* — в возрождении России. Ведь образ Суворова, запечатлённый народной памятью, сочетает военную доблесть, православное смирение, гордость победами, умение учиться, страсть к служению Родине и к образованию. Для Суворова — бесстрашного солдата — никогда не были второстепенными вопросы нравственности. Он исповедовал традиционную православную этику, не принимая привычку дворянства к элитарной отстранённости от народных масс. Суворов был отцом и братом для каждого из своих солдат и остаётся отцом Отечества и в наши дни.

Трудно преувеличить роль Александра Васильевича Суворова (1730–1800) в истории России. Великий полководец, подавший пример честного и плодотворного служения Отечеству, он не перестал играть важную роль в нашей культуре и после смерти. Напротив, значение А.В. Суворова — нашего национального героя — с годами увеличивалось. И, конечно, каждая новая публикация из его литературного наследия была событием. «Журнал Министерства Народного Просвещения» вправе гордиться своим великим автором. Суворов не дожидаясь трёх лет до создания журнала. Но образцы литературного наследия великого полководца неоднократно печатались в журнале, как и научные публикации о нём.

2

«Я родился 1730 году 13 ноября»¹, — писал Суворов в автобиографической записке. Отец нашего героя — Василий Иванович — служил денщиком и переводчиком Петра Великого, будучи крестным сыном государя. Василий Иванович достиг высот военной карьеры, стал генерал-аншефом, премьер-майором Преображенского и подполковником Измайловского полка, служа при Провиантском департаменте и выполняя поручения, о которых до А.В. Суворова, уже также бывшего генерал-аншефом, «сведения не доходили». Зато до нас дошли сведения о легендарной *бережливости* Василия Ивановича, позволившей ему преумножить семейные капиталы. Это качество унаследовал и Александр Васильевич, не терпевший житейских излишеств. В детстве будущий полководец был болезненным, хилым ребёнком. Отец и не мечтал о военной славе для любимого сына, но Саша с самых ранних лет посвятил себя военной славе Отечества. В доме Суворовых была богатая библиотека. Наш герой перечитывал книги, рассказывавшие о военных подвигах героев древней, средневековой и новой истории, мечтая о собственной славе. Уже тогда Суворов понимал: для этого необходимо упражняться физически и умственно. И он воспитывал себя в спартанском духе, отказавшись от мягких перин и тёплой шубы, изучая стратегию великих полководцев прошлого. С тех пор сохранилась легенда о встрече юного Суворова с генералом Ганнибалом — сподвижником Петра Великого и предком Александра Сергеевича Пушкина. Василий Иванович посетовал Ганнибалу, что его сын предпочитает уединение в библиотеке. Ганнибал незаметно вошёл в комнату Суворова и увидел его обложенного военными книгами. Они обменялись мнениями о некоторых старинных битвах, после чего Ганнибал сказал Василию Ивановичу: «Оставим его. У твоего сына сейчас собеседники поинтереснее нас с тобой...»

В 1742 году двенадцатилетний Суворов был записан солдатом в лейб-гвардии Семёновский полк. А шесть лет спустя началась его действительная служба в русской армии. Долгих десять лет Суворов служил в нижних чинах — подпрапорщиком, сержантом, затем — премьер-майором... Эта служба позволила ему составить объективное мнение о человеческих качествах и профессиональных возможностях русского солдата. Без службы в нижних чинах Суворов никогда бы не стал истинно народным генералом². И в лучшие дни своей великой славы он ценил собственную близость к народу, солдатскую простоту, иногда с лукавством называя её «грубостью». В 1758 году, когда Суворова произвели в подполковники, начинается Семилетняя война — первая страница легендарной полководческой службы великого героя. Его назначают дивизионным дежурным при армии генерала В.В. Фермора; он принимает участие в сражении при Кунерсдорфе. Эта победа над Фридрихом Великим, конечно, была ярчайшим впечатлением военной молодости Суворова. В 1760 году он участвует во взятии прусской столицы Берлина русскими войсками. В 1761 году А.В. Суворова назначают командующим Тверским драгунским полком. Он участвует в сражениях с прусскими войсками у Ландсберга, у Бирнштайна, у Гольнау... Заслуги великого солдата в Семилетней войне были вознаграждены — в 1762 году Суворову присвоили чин полковника. Полк Суворо-

¹ Суворов А.В. Письма, записки... М., 1990. С. 34.

² О духовном образе А.В. Суворова см.: Жукова М.Г. «Твой есмь аз» Суворов». М., 1998; Замостьянов А.А. Суворов и нравственность: солдат и богomoлец // Замостьянов А.А. Великий Суворов и суворовский образ в отечественной культуре. М., 2000.

Современные издания
об А.В. Суворове

ва отличался от любого подразделения тогдашних европейских армий. Это был свой мир, созданный гениальным — и потому казавшимся многим чудачком — воином и мыслителем. Рассказывают, как Суворов со своим полком приступом брал монастырь, разрабатывая тактику штурма крепостей, как без мундира, сохраняя инкогнито, встречал новобранцев, испытывая их в остроумной пикировке.

В 1768 году Суворова произвели в бригадиры; через год в этом чине он вступит в свою первую польскую войну. После победы над польскими конфедератами при деревне Орехово (конец 1769 года) Суворову присваивают чин генерал-майора. Ему идёт сороковой год... Он энергично берётся за дела в «горячем» Люблинском районе. В 1771 году он бил поляков при Ландскроне и при Замостье, а в сентябре 1772 года под Столовичами разбил корпус гетмана М. Огинского; имя Суворова уже наводило ужас на поляков, но они уважали этого русского генерала за рыцарское благородство. Надолго им запомнилось великодушие русского полководца, который, гонясь по польским землям за маршалом Пулавским, «попался» на хитрый маневр последнего и принял оставленный Пулавским арьергард за всю армию маршала. А хитроумный поляк с главными частями своей уцелевшей армии уже отступал к Литве, обогнув войско Суворова. Тот восхитился находчивостью Пулавского — и в знак уважения послал ему любимую табакерку. Ему — врагу, введшему непобедимого Суворова в заблуждение!

В 1772 году Суворов овладевает Краковским замком, а через год его переводят в армию П.А. Румянцева, на фронт первой екатерининской русско-турецкой войны. Суворов ещё примет решающее участие в судьбе Польши — но через два с лишком десятка лет. А к тому времени боевые действия уже перешли за Дунай; Румянцев одержал над турками несколько блестящих побед, прежде всего — Кагульскую. Весной и летом 1773 года Суворов дважды овладевает Туртукаем. Быстрота и натиск, а также минимальные потери характеризовали эти победы генерал-майора. По легенде, Александр Васильевич рапортовал Румянцеву в стихах:

Слава Богу, слава Вам:
Туртукай взят — и я там!

Исполняя волю родителя, мечтавшего о продолжении рода, в 1774 году Суворов женится на молодой княжне Варваре Ивановне Прозоровской. Вскоре его производят в генерал-поручики и он продолжает придунайские подвиги. Войска Суворова вышли в поход совместно с войсками строптивного генерал-поручика Каменского. Суворов стал генерал-поручиком позже своего младшего по возрасту коллеги, что давало Каменскому формальное преимущество, право руководить операцией. Однако Суворов, отмахнувшись от правил, взял инициативу в свои руки и в нелёгкой битве разбил турок. Эта победа стала решающей для кампании 1774 года. Именно после Козлуджи имя Суворова стало легендарным в России — и в августе того же года победителя турок посылают на Волгу, а потом, как предполага-

Остановись, прохожий!

**Здесь человек лежит, на смертных непохожий:
На крылосе в глуши с дьячком он басом пел
И славою, как Пётр иль Александр гремел.
Ушатов на себя холодную лил воду
И пламень храбрости вливал в сердца народу.**

**А. С. Шишков,
из эпитафии А. В. Суворову**

В.И. Суворов (1705–1775), отец полководца;
В.И. Суворова (1750–1806) и Н.А. Суворова (1775–1844),
жена и дочь полководца

лось, к Уралу, для подавления восстания «речёного Емельки», как называл Суворов в тогдашних письмах Пугачёва. Сведения о том суворовском походе мы получаем из пушкинской «Истории Пугачёва»:

«...Между тем новое важное лицо является на сцене действия: Суворов прибыл в Царицын.

Государственная коллегия, видя важность возмущения, вызывала Суворова, который в то время находился под стенами Силистрии: но граф Румянцов не пустил его, дабы не подать Европе слишком великого понятия о внутренних беспокойствах государства. Такова была слава Суворова! <...>

Суворов между тем прибыл на Узени и узнал от пустынных, что Пугачёв был связан его сообщниками и что они повезли его к Яицкому городку. <...> Через несколько дней прибыл он в Яицкий городок. Симонов сдал ему Пугачёва. Суворов с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях и повёз его в Симбирск. <...>

Пугачёв сидел в деревянной клетке на двухколёсной телеге. Сильный отряд при двух пушках окружал его. Суворов от него не отлучался. В деревне Мостах случился пожар близ избы, где ночевал Пугачёв. Его высадили из клетки, привязали к телеге вместе с его сыном, резвым и смелым мальчиком, и во всю ночь Суворов сам их караулил. В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришёл в Симбирск в начале октября. <...>

Совершенное спокойствие долго ещё не водворялось. Панин и Суворов целый год оставались в усмирённых губерниях, утверждая в них ослабленное правление, возобновляя города и крепости и искореняя последние отрасли пресечённого бунта».

Это Пушкин говорит о Суворове.

Предусмотрительность, точность, умение быстро сориентироваться в незнакомой среде — вот качества, которые проявил Суворов в пугачёвском деле. Он был защитником России от бунтов и смуты, видевшим в их усмирении, в успокоении мятежного народа свой долг перед Родиной. Летом 1775 года у Суворова родилась дочь, Наталья Александровна, его любимица, «Суворочка». Позже Суворов говаривал: «Смерть моя для Отечества, жизнь моя для Наташи».

Осенью 1786 года Суворова производят в генерал-аншефы, а это означало, что в грядущей войне с Турцией ему предстояло руководить крупными операциями.

Во время знаменитого путешествия императрицы Екатерины и австрийского императора по югу России Суворов в Кременчуге представил изумлённым монархам масштабные показательные учения. Именно тогда на вопрос Екатерины «Чем мне наградить Вас?» седой генерал-аншеф ответил с дерзкой непосредственностью: «Награждай, матушка, других, у тебя и так, чай, доброты хватает. А мне за квартиру заплати: задолжал». О Суворове уже говорила Европа, поражаясь мужеству и чудачествам российского героя.

Вторая екатерининская русско-турецкая война, главным героем которой довелось стать Суворову, началась в 1787 году, когда он был назначен командующим Кинбурнского отряда в армии Г.А. Потёмкина. Осенью 1787 года в сражении под Кинбурном Суворов одержал над турками блестящую победу. Потёмкин в письме императрице поражался мужеству раненого генерала.

Суворов сделал Кинбурн неприступным рубежом для противника, а прилегающая к крепости акватория была непроходимой для турецкого флота. Суворовская артиллерия контролировала и водные пути. Но в роковой октябрьский день, когда турки решились на серьёзное сражение и подтянули к крепости армию, Суворов запретил обстреливать их корабли и лодки и... приказал офицерам следовать в церковь, к обедне. Неспешно отслужили молебен «на победу врагов и одоление». В русском стане удивлялись хладнокровию Суворова, которое, казалось, граничило с безумием. Турки высадили на косе шесть тысяч солдат, возвели полтора десятка рядов траншей, подготовились к штурму крепости, но Суворов штурм не допустил.

Своим хладнокровием полководец поражал две цели разом: с одной стороны, это был педагогический приём. Суворову необходимо было заставить солдат поверить в их неуязвимость, чудесную не-

победимость, для этого было избрано наилучшее — богослужение, вселявшее не панику, но духоподъёмную самоотверженность. И пускай теперь чудо-богатырь, великий солдат Иван рассказывает новобранцам о странном — порывистом и спокойном генерале, одерживающем чудесные победы. Вера в чудо, вселённая в солдатские души, поможет Суворову в будущих боях. С другой стороны, Суворову было необходимо приблизить турецкую эскадру к кинбурнской косе, чтобы таким

Григорий Потёмкин

образом сократить угол возможного обстрела крепости с кораблей. Также необходимо было спровоцировать противника к тому, чтобы высадить многочисленный десант и чувствительной победой заставить турок раз и навсегда позабыть о штурме Кинбурна.

Из крепости в штыковую выступила пехота, с флангов на турецкий авангард бросилась казачья конница. Очень скоро авангард был уничтожен, а турецкие укрепления смяты. Но сражение только началось! Турки были настроены не на шутку. Позже, вспоминая кинбурнское сражение, Суворов говорил о противнике: «С такими я ещё не дрался». Русские войска, атаковавшие турецкие окопы, попали под жестокий огонь с кораблей. Пришлось отступить. Суворов спешил: под ним убили лошадь. В пылу боя три турка окружили Александра Васильевича. Суворов приготовился к жестокой схватке, взмахнул саблей... Он писал в реляции, обращённой к Потёмкину: «Позвольте, светлейший князь, донести: и в нижнем звании бывают герои. Неприятельское корабельное войско, какого я лучше у них не видал, преследовало наших с полным духом; я бился в передних рядах Шлиссельбургского полку: гренадер Степан Новиков, на которого уже сабля внесена была в близости моей, обратился на своего противника, умертвил его штыком, другого, за ним следующего, застрелил и, бросаясь на третьего — они побежали назад»³. Не забывать героев, примечать их благодарностью — эти принципы Суворова вписывались в его военно-педагогическую систему.

Несколько раз русские оттесняли турок и столько же раз приходилось отступать... Суворов, отважно сражавшийся плечом к плечу с солдатами, был ранен картечью, потерял сознание, но пришёл в себя и, напрягая стальную свою волю, продолжил сражение. В бой пошли резервы, с моря турецкий флот на единственной в крепости русской галере «Десна» атаковал мичман Ломбард, один из любимых волонтёров Суворова. Раненный ещё и в руку, истекающий кровью Суворов пустил солдат вброд, по морским отмелям, в тыл туркам — и, наконец, остатки османского десанта удалось окружить. Лишь несколько сотен турок ушли с поля боя, остальных перебили или взяли в плен.

В просторном письме Екатерине Потёмкин хлопотал о награждении Суворова, описывая впечатляющую битву в красках: «На тесноте спёрлось множество конницы и пехоты, и, смешавшись с неприятелем, сделали кучу, которую было уже трудно в строй привести. Он своим постоянным присутствием в первых всегда рядах удержал людей на месте. Солдаты сами повторяли бегущим: «Куда вы? Генерал впереди!»⁴ Талантливый администратор и реформатор армии, Потёмкин смог по достоинству оценить Суворова после кинбурнской победы: «Кто, матушка, может иметь такую льви-

Прокатится, пройдёт,
Промчится, прозвучит
И в вечность возвестит,
Кто был Суворов.
По браням — Александр, по доблестям — стоик,
В себе их возместил и в обóих велик.

Г.Р. Державин,
из оды «На взятие Варшавы»

³ Суворов А. В. Походы и сражения в письмах и записках. М., 1990. С. 249.

⁴ Екатерина Вторая и Потёмкин. Письма. М., 1999. С. 246–247.

ную храбрость? Генерал-аншеф, получивший все отличности, какие заслужить можно, на шестидесятом году служит с такой горячностью, как двадцатипятилетний...»⁵

Летом 1788 года под Очаковом, длительную осаду которого вёл князь Потёмкин, высмеянный за медлительность Суворовым и Румянцевым, Александр Васильевич попал в беду. Отражая вылазку двухтысячного турецкого отряда в русский лагерь, он с фанагорийским полком, нарушая планы главнокомандующего, ворвался в позиции турок, надеясь на поддержку других русских войск, и начал штурм Очакова. Казалось, близка победа, но поддержки Суворов не дождался, атаку фанагорийцев турки отбили, и герой покинул поле боя с тяжёлой раной: в шее застряла пуля. Рана воспалилась, Суворов тяжело и долго болел: особенно болезненными были объяснения с Потёмкиным, писавшим Екатерине об очаковском инциденте: «...Перед приходом капитан-паши Александр Васильевич Суворов наделал дурачества немало, которое убитыми и ранеными стоит четыреста человек...»⁶ А в солдатской памяти осталось мужество раненого героя, стремившегося на поле боя, несмотря на боль. Об этом была сложена песня «Суворов ранен»:

Да лежал русской больно раненой,
Вскричал да Суворов-князь:
«Ай-я, вы слуги, вы слуги мои,
Да слуги вы вот мои верные!
Ай вот вы подайте, вы слуги мои,
Да подайте пару вороных да коней!»

Памятные
медали
Екатеринского
времени

Летом 1789 года союзник России, австрийский полководец принц Кобургский, встревоженный тем, что турецкая армия сосредоточивается в Фокшанах, запросил у русских немедленной помощи. Суворов выступил к нему с малочисленным войском быстрым маршем: Кобургский и представить себе не мог, что русские пройдут 50 вёрст за 28 часов! В распоряжении Суворова было восемь тысяч русских и восемнадцать — австрийцев, среди которых выделялась венгерская конница Карачая — героя, ставшего одним из любимцев русского генерала. Операция, разработанная Суворовым и буквально навязанная им союзникам (он неожиданной запиской объявил Кобургскому, что русские войска выступают в два часа ночи, и предложил австрийцам выступить тогда же), началась с уничтожения передового отряда турок. Хитрым манёвром, основанным на знании местного ландшафта (суворовские войска шли по лесным болотам), он обманул противника, не ожидавшего флангового удара по Фокшанскому лагерю. В результате пятидесятитысячная турецкая армия была рассеяна. Суворов выбил турок и из нескольких близлежащих укреплений. Славная фокшанская победа принесла ему европейскую славу, а австрийцы навсегда признали русского генерала великим полководцем. Суворов отвечал на эти почести едкой шуткой: «Со мной и немцы воевать умеют». Фокшаны и Рымник оставались для него театром боевых действий и ареной для подвигов ещё в течение нескольких месяцев. Великая рымникская победа: та же приданайская земля, те же просьбы Кобургского о помощи. Только новый противник — великий визирь Юсуф-паша, готовивший наступление с целью вывести из войны Австрию, союзника России. В ответ на послание Кобургского Суворов в лаконической манере князя Святослава начертал одно слово: «Иду!» Невероятно быстрый переход (в своевременное появление русского генерала у Рымны не верили ни Потёмкин ни великий визирь) — и Суворов уже возглавляет двадцатичетырёхтысячное русско-австрийское воинство против 105 тысяч турок. Суворову удалось разбить турецкую армию благодаря тому, что она была разделена на части манёврами русских и австрийцев. Довершила разгром кавалерийская атака турецких окопов — новшество, заставившее

⁵ Екатерина Вторая и Потёмкин. Письма. М., 1999. С. 246–247.

⁶ Там же.

противника паниковать. Войско союзников было сохранено, а Суворова признали во всех столицах воевавших государств «Победителем Визиря».

Сохранилась легенда о споре, возникшем между русскими и австрийцами при дележе трофейных пушек.

«Отдайте всё австрийцам, — махнул рукой Суворов. — Мы себе у неприятеля новые добудем, а им где взять?»

Две империи — Священная Римская и Российская — возвели Суворова в графское достоинство. От Екатерины Великой он получил титул графа Рымникского, а также орден Св. Георгия Первой степени. «Графиной двух империй» отныне называл он в письмах свою дочку Суворочку.

Теперь для полной победы над турками следовало обрушить их твердыню, грозившую России османским могуществом, — крепость Измаил, известную своим многотысячным гарнизоном и отважным вождём — полководцем Айдос-Мехмет-пашой.

Русские войска генералов Гудовича и Де Рибаса вели осаду Измаила, но все их подступы к штурму не приводили к успеху. Крепость казалась неприступной: по бытовавшим в те годы представлениям о войне для подобного штурма требовались невиданные ресурсы, которых не могло быть у России... Но Суворов ниспровергал существующие представления о войне. Мы можем судить об изумлении, охватившем Европу после штурма Измаила, по строкам поэмы Байрона «Дон Жуан». Этот штурм казался апофеозом современной войны, а Суворов — настоящим Марсом. Да, Байрон был противником екатерининского имперства и к Суворову относился неоднозначно, но и он не мог отрицать, что в лице графа Рымникского мир видит военного гения:

Суворов в этот день превосходил
Тимура и, пожалуй, Чингисхана:
Он созерцал горящий Измаил
И слушал вопли вражеского стана;
Царице он депешу сочинил
Рукой окровавленной, как ни странно —
Стихами: «Слава Богу, слава Вам! —
Писал он. — Крепость взята, и я там!»

Показательно, что Байрон одним из центральных эпизодов своей итоговой поэмы делает взятие Измаила. Мы же помним Суворова, который после победы, поблднев, признавался: «На такой штурм можно пойти только раз в жизни». Гарнизон Измаила насчитывал более 35 тысяч человек. Суворов штурмовал крепость с тридцатитысячным воинством. Учитывая мощные укрепления турецкой твердыни и 250 орудий противника, «арифметически» штурм был обречён. Но Суворов, прибыв под Измаил, не теряя времени, приступил к тренировке солдат в условиях, близких к боевым. Генерал-аншеф скрупулёзно изучил донесения разведки по измаильским укреплениям и вскоре уже посылает туркам ультиматум с характерной припиской — лично от Суворова: «Сераскиру, Старшинам и всему Обществу. Я с войсками сюда прибыл. 24 часа на размышления для сдачи и — воля; первые мои выстрелы — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю вам на рассмотрение». История запомнила и горделивый, но, как оказалось, излишне самонадеянный ответ Айдос-Мехмет-паши: «Скорее остановится течение Дуная и небо упадёт на землю, чем русские возьмут Измаил».

По перевязанным лестницам, по штыкам, по плечам друг друга солдаты Суворова под смертельным огнём преодолели стены, открыли ворота крепости — и бой перенёсся на улицы Измаила.

Взятие Измаила 11 декабря 1790 года. И.М. Вилль. Конец XVIII века

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, грызть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян всё побеждать?

Г.Р. Державин, «Снигирь»

А.В. Суворов и М.И. Кутузов, о котором Александр Васильевич говорил: «В Измаиле он на левом фланге был моей правой рукой», личным примером вели за собой солдат. В том бою погибло десять тысяч русских, в том числе 400 офицеров из 650, участвовавших в штурме. Было уничтожено двадцать семь тысяч турок, остальные попали в плен. Для каждого участника штурма Измаила эта битва была непредсказуемой, но Суворову ещё в преддверии штурма удалось предопределить её результат. Бессонными ночами — недаром ходили слухи о том, что перед важными боями Суворов неделями не смыкал глаз, — он просчитывал стратегию победы. Отвага подкрепляла расчёт.

На грандиозном празднике в Таврическом дворце, посвящённом измаильской победе, Суворов не присутствовал. Солдатский путь вёл героя в Финляндию, где он укреплял границы с воинственной Швецией. Именно в Финляндию, в Роченсальм,

Г.Р. Державин послал Суворову свои стихи.

Суворов между тем томился, читал любимого Д. Макферсона, русских поэтов, повесть Чулко-ва «Пригожая повариха»... Он скучал по великим делам. Укрепив северные границы империи, снова отправился на юг, где разработал систему оборонительных сооружений Причерноморья и, в частности, вместе с адмиралом Ф.Ф. Ушаковым организовал строительство военно-морского порта и крепости Севастополя, создал план возможной войны с Турцией. Наконец, в 1794 году пришла пора для новых подвигов — Суворова направили в Польшу, в действующую армию. Польская кампания 1794 года, в которой он победно прошагал до стен предместья Варшавы — Праги, главного укрепления поляков, принесла полководцу новую славу и долгожданный фельдмаршальский жезл, завоёванный многолетней безукоризненной службой. Штурм Праги поставил Польшу на колени. Из тридцати тысяч поляков, участвовавших в сражении, спаслось бегством менее двух тысяч, остальные были уничтожены и пленены. Суворов не хотел крови: в специальных указаниях, написанных им для войск, говорилось: «Згода! Отруць бронь! (Мир! Положи оружие! — польск.). Кои положат ружьё, тех отделить: вольность! — пашпорты! Кои же нет, с теми по первому поступать: бить! Кончить в час»⁷. Польская независимость, бывшая в Восточной Европе плацдармом якобинства, была уничтожена. Суворову вручили ключи от Варшавы. Народная память сохранила спартанское послание Суворова Екатерине: «Ура! Варшава наша!» — и достойный ответ монархини: «Ура! Фельдмаршал Суворов!» И... наконец, Суворов — искренний любитель поэзии — дождался широкого поэтического резонанса своих подвигов. На взятие Варшавы откликнулись и И.И. Дмитриев, и Е.И. Костров, и — что было для Суворова самым лестным — Гаврила Романович Державин, восклицавший:

Медаль «Слава
России»

И славы гром,
Как шум морей, как гул воздушных споров,
Из дола в дол, с холма на холм,
Из дебри в дебрь, от рода в род
Прокатится, пройдёт,
Промчится, прозвучит
И в вечность возвестит,
Кто был Суворов.

Суворов ответил Державину ласковым письмом, в которое включил и собственное стихотворное послание, прославляющее Екатерину. А поэт Ермил Костров получал от полководца и материальную помощь.

Ещё без малого год главнокомандующий всех русских войск, находившихся в Польше, умиротворял взбаламученную войнами и мятежами страну. Поляки почувствовали справедливый и ми-

лосердный нрав русского фельдмаршала. Сохранилась любопытная легенда об освобождении польских пленных, многое разъясняющая в той миссии Суворова. Когда король Станислав попросил Суворова отпустить из плена одного польского офицера, русский полководец скороговоркой ответил: «Если угодно, я освобожу вам их сотню. Двести! Триста! Четыреста! Так и быть, пятьсот!» Терпимость к нравам побеждённой страны, считал Суворов, — залог благополучия державы-победителя. В 1796 году умирает Екатерина Великая, обрывается золотой век екатерининской России. Суворов горько сожалел об утрате «матушки», приговаривая: «Если бы не было матушки Екатерины, не видать мне ни Кинбурна, ни Рымника, ни Варшавы». Особенностью противоречивого царствования нового императора Павла Петровича была ориентация русского воинства, доказавшего свой потенциал двадцатилетием блестящих побед, на прусские образцы. Суворов откликнулся на павловские нововведения не только едким экспромтом: «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, сам я не немец, а природный русак!», но и аргументированной критикой прусских традиций. В ответ государь отстранил Суворова от армии, отправив героя в отставку и ссылку. Суворов прощался с армией. Эти драматичные часы отразились во многих легендах, подчёркивающих суворовское умение подчиниться приказу, даже если приказ кажется несправедливым. Генерал А.П. Ермолов рассказывал: «Однажды, говоря об императоре Павле, он (Каховский. — Авт.) сказал Суворову: «Удивляюсь вам, граф, как вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, в то время как близ вас находится столько войск, соглашаетесь повиноваться Павлу». Суворов подпрыгнул и перекрестил рот Каховскому: «Молчи, молчи, — сказал он. — Не могу. Кровь сограждан!» Суворов не пошёл на расшатывание армии и государственности. Его долг был — пресекать смуту, а не устраивать потрясения ради удовлетворения своего честолюбия.

Суворов последовал в своё северное имение, в Кончанское, под надзор властей. С мая 1797 года начинается почти двухлетняя опала боевого фельдмаршала. Суворов пел в церкви, крестил ребятишек, продолжал свои ежедневные спартанские тренировки с холодной водой и утренними пробежками... Но главное — он следил за ходом политических событий в Европе, главным героем которых был генерал Бонапарт, ставший впоследствии императором Наполеоном. Незадолго до отставки Суворов в письме А.И. Горчакову дал красноречивую характеристику Бонапарту и даже напроорочил его крах: «Пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем; великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, на несчастье своё, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, — он погибнет»⁸.

В Кончанском Суворов разрабатывал план будущей войны с Наполеоном, в которой Россия должна была спасти Европу от французских смутьянов. Но бывали времена, когда помыслы опального фельдмаршала обращались к области, далёкой от политики и военного искусства. Суворов хотел продолжить свои дни в монастыре, просил императора отпустить его в Нилову пустынь⁹... Однако, серьёзно осмыслив европейскую политику, он понял, что его долг — спасать Россию от надвигающейся с Запада опасности. И, когда Павел предложил Суворову возглавить русско-австрийскую армию, призванную освободить от французов север Италии, Александр Васильевич взял на себя этот крест. Принял, предварительно вынудив Павла разрешить ему — Суворову — вести войну по-суворовски, а не по-пруски. В молчаливом противостоянии кончанский отшельник преодолел упрямство императора стойким терпением и сосредоточенным на славе России, полным смирения умственным трудом. Павел отправил Суворова в Европу «спасать царей». В феврале 1799 года Суворов был восстановлен на русской службе в чине генерал-фельдмаршала, а в марте назначен главнокомандующим союзной армией в Италии. Суворов прибыл в Вену, где огорчил

Император Павел I

⁸ Суворов А.В. Письма. М., 1987. С. 311, 312.

⁹ Там же.

австрийцев смелостью планов и демонстративной пропагандой своего кредо: «Штыки! Штыки!» Когда же австрийцы представили Суворову свой план кампании, итогом которой должно было стать отгеснение французов к реке Адде, он сказал:

— Кампания начнётся на Адде, а кончится, где Богу будет угодно...

Не задерживаясь в Австрии, встретившей русского полководца как триумфатора, Суворов в начале апреля уже прибыл в Верону, к армии, а через шесть дней пала первая «якобинская» крепость в Италии — Брешиа. Начался героический период, о котором поэт А.С. Шишков сказал:

В едино лето взял полдюжины он Трой.

Через неделю Суворов, как и обещал в Вене, одержал великую победу над французами на Адде и вошёл в Милан. На Адде ему противостоял генерал Шерер, во время сражения сменённый на знаменитого Моро. Здесь у союзных войск было численное преимущество, в бою погибло до восьми тысяч французов и менее двух тысяч из армии Суворова. Фельдмаршал завоевал Ломбардию за десять дней.

Освободив север Италии, Суворов приступил к решению двух задач: нужно было взять французские крепости и разбить укреплённые сорокатысячной армией Макдональда войска французов. В мае, после быстрого ночного суворовского марша, был взят Турин. Операции в Италии продолжались, он проявлял себя стратегом войны, решающим и локальные задачи, и задачу общую. А её Суворов видел в уничтожении «гиены» — революционного духа. И кровавые парижские демократы уже трепетали в предчувствии встречи с полководцем, в котором видели своего грозного судию...

В июне Суворов одержал победу над армией Макдональда у Треббии. Эта битва была ещё одним его подвигом. В критический момент сражения фельдмаршалу донесли, что сопротивление французам невозможно и придётся отступить. Он указал на громадный камень, в тени которого отдыхал, и заявил:

— Попробуйте сдвинуть этот камень. Не можете? Вот так и русские не могут отступить!

Австрийцы — их печально знаменитый военный совет гофкригсрат — не дали Суворову до конца развить успех Адды и Треббии... Он занял Мантую — последнюю твердыню французов в Италии — и готовился к встрече с новым главнокомандующим противника, молодым генералом Жубером, который возглавил остатки французских войск в Италии и сам пришёл с подкреплением. Героям предстояло встретиться под Нови.

4 августа по старому стилю армия Суворова дала бой войскам Жубера. Молодой французский генерал был убит ещё в начале боя. Войска Багратиона, Милорадовича и Дерфельдена — генералов, ставших в Итальянском походе любимцами Суворова, — атаковали Нови. Вожди воюющих сторон — Суворов и Моро — лично принимали участие в сражении, глядя в глаза смерти. Под Моро убили лошадь, в плен попал знаменитый генерал Груши. Несколько русских атак было отбито: республиканская армия подтверждала репутацию самой стойкой и отважной в Западной Европе. Наконец, французы бросились в беспорядочное отступление. Было уничтожено и пленено до 15 тысяч республиканцев. Потери Суворовских войск составили 1200 человек убитыми и втрое больше — ранеными. Ещё одна несомненная победа — и Италия за четыре месяца очищена от французов.

В сентябре Суворов вступил в Швейцарский поход — на помощь генералу А.М. Римскому-Корсакову. В поход, окончательно возвысивший полководца до величавой легенды. Путь его лежал че-

«Переход Суворова через Альпы в 1799 году»

Худ. В.И. Суриков. 1899 г.

рез Сен-Готардское ущелье, к городку Альтдорфу, а оттуда — к Швицу и Гларису, к войскам Римского-Корсакова и Готце.

Французы намеревались разбить измождённую, изголодавшуюся в страшном горном походе армию Суворова в Альпах. Сведения о численности и расположении войск Массены, переданные Суворову австрийцами, оказались ложными, равно как и их же описания альпийских путей, посланные русскому фельдмаршалу. Теперь двойная игра австрийцев стала очевидной.

В сентябре Суворов с победными боями вышел из приготовленной Массеной ловушки, совершил переход через Сен-Готард и вывел войска в Муттенскую долину. Французы предполагали окружить Суворова в Муттенской долине и считали своего врага уже поверженным. Генерал Лекурб писал Массене: «Если мы будем действовать согласованно, Султ со стороны Гларуса, Мортье со стороны Муттенталя, а я со стороны Шехенталя, мы заставим Суворова околеть в горах»¹⁰. У Суворова на этот счёт было другое мнение, он с боями прорывался через Альпы. В этих сражениях ему приходилось ценой невероятного нервного напряжения вдохновлять солдат на каждый час переходов. Порой голодными, оборванными солдатами овладевало отчаяние, но, видя, как делит с ними все тяготы похода великий Суворов, они учились терпеть и преодолевать невиданные трудности. Все нападения французов отражались с успехом. Суворов бил Массену в Клентальской и Муттентальской долинах, его армия несла потери, попавшее в альпийский лабиринт израненное суворовское воинство казалось обречённым. Много лет спустя в русской армии ходили рассказы о том, как Суворов, увидев своих голодных солдат, хлебающих ложками воду из горной речки, спросил у них: «Что, братцы, хлебаете?» «Альпийский суп», — хмуро ответил немолодой солдат. Тогда фельдмаршал достал свою ложку и присоединился к ним, нахваливая альпийский суп. После этой трапезы он с таинственным выражением лица прижал палец к губам и прошептал: «Ребята, тут в двух переходах от нас французишки засели. У них там всего напечено и наварено. К утру там будем — всё наше будет. Только чур — молчок!»

После победных сражений в долинах Суворов повёл войско на новый героический переход — через хребет Паникс. Планы французов были сорваны, армии Массены и Лекурба разбиты в горах, а Суворов с полным правом восклицал: «Орлы русские облетели орлов французских». В октябре из Петербурга пришла весть: император присвоил Суворову звание генералиссимуса. Он стал четвёртым и предпоследним генералиссимусом в истории русской армии¹¹.

В Швейцарии и Чехии Суворова встречали как героя-победителя. Всем было ясно: наш генералиссимус доказал бессилие любого возможного захватчика перед Россией. В феврале 1800 года в Кракове он попрощался со сбережёнными им русскими войсками и передал командование армией генерал-поручику Розенбергу. Суворов возвращался в Россию. Только сейчас, когда долг перед Родиной был исполнен, тяготы последних походов дали о себе знать. Старый воин заболел. Медики были бессильны, Суворов уже составлял Канон Господу, готовился встретить смерть. Сказался и переменчивый характер императора: Павел сменил милость на гнев, поверил наветам царедворцев, и Суворов встречал смерть в опале. Он умирал в Петербурге, в доме Д.И. Хвостова. Прощаться с ещё живым Суворовым приходили любимые соратники, ученики: Г.Р. Державин, П.И. Багратион... Сейчас полководец мог вспомнить свои слова, написанные когда-то в автобиографии: «Потомство моё прошу брать мой пример: всяко дело начинать благословением Божьим; до издыхания быть верным Государю и Отечеству; убегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славу чрез истину и добродетель». 6 мая 1800 года (по старому стилю) Александра Васильевича не стало.

Хоронили его 12 мая. Катафалк не проходил в двери Благовещенской церкви Александро-Невской лавры, и кто-то из нёсших гроб воинов воскликнул: «Вперёд, ребята! Суворов везде проходил!»

¹⁰ Цит. по: Золотарёв В.А. Генералиссимус Суворов: вершины славы. М., 1999. С. 415.

¹¹ Первый генералиссимус А.С. Шейн (1662–1700); второй — А.Д. Меншиков (1673–1729); третий — принц Антон Ульрих (1714–1774); пятый — И.В. Сталин (1879–1953).

И катафалк прошёл в двери. Державин придумал для могилы Суворова эпитафию величественную и лаконичную, вполне в духе великого героя: «ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ СУВОРОВ». Кто в России не знает своего защитника и спасителя?

3

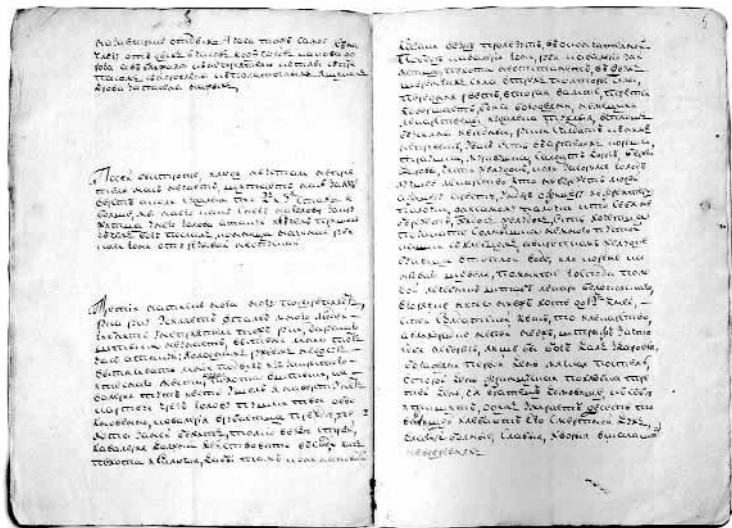
В страшные дни Ленинградской блокады знаменитые монументы северной столицы были спасены от бомбёжек. Их сняли с постаментов и закопали. Но памятник Суворову остался на своём месте, он гордо вывышался над площадью и не прятался от немецких бомб. И Ленинград выстоял, ибо «Тщетно двинется на Россию вся Европа: она найдёт там Фермопилы, Леонида и свой гроб», — говорил Суворов.

4

В 1802 году, когда император Александр учреждал свои министерства и среди них — Министерство народного просвещения, и в 1803 году, когда вышел в свет первый номер нашего журнала, Александр Васильевич Суворов уже был всенародным российским героем, символом русского гения для всего мира и легендарной фигурой для российского народа. В Санкт-Петербурге, на Марсовом поле уже стоял прижизненно обещанный Павлом памятник полководцу, а ученики Суворова и воспитанная его педагогическим гением армия были готовы к подвигам 1812—1814 годов. Был ли в нашей истории пример более эффективной педагогики, чем суворовская наука побеждать?

В первые годы после смерти Суворова издатели обратились к рукописям великого героя. Большой вклад в изучение литературного наследия полководца внёс наш замечательный учёный начала XIX века М.И. Антоновский, которому мы обязаны не только публикацией основных документов суворовского учения, но и самим названием «Наука побеждать». Издание «Науки побеждать» в 1806 году близко по времени к рождению нашего журнала (1803 г.). Оба издания были приметами «дней Александровых прекрасного начала». После публикаций первого десятилетия XIX века интерес к суворовскому феномену всё возрастал.

Откроем «Журнал Министерства Народно-го Просвещения» за 1856 год, часть 92, номер десятый, отдел VII. Постоянный автор журнала того времени, популярнейший русский писатель в будущем Григорий Петрович Данилевский напечатал здесь суворовские архивы, хранившиеся в семье боевого товарища и соратника полководца И.О. Куриса. С 1787 по 1795 год Курис вёл суворовскую канцелярию. Замечательный современный исследователь жизни и творчества Суворова Вячеслав Сергеевич Лопатин пишет об этой публикации: «Коротенькие письма Суворова самому Курису добавляли новые черты к портрету полководца, с трогательной заботливостью принимавшего участие в личной жизни подчинённых. В 1793 году Екатерина II прислала Суворову георгиевский крест 3-й степени, который тот (по случаю торжественного мира с Турцией) должен был возложить на достойнейшего. Суворов выбрал Куриса и продиктовал ему наставление о

А.В. Суворов. «Наука побеждать»

том, каким должен быть человек в «достоинствах генеральских». «Выше всего, — говорилось в наставлении, — глазомер, то есть пользование положением места, — трудолюбие, бдение и постижение»¹².

Г.П. Данилевский не остановился на выверенной публикации суворовских писем. Он проанализировал их в журнале, затронув некоторые важные для сувороведения темы, например, отражение суворовского образа в русской поэзии. Вот Ермил Иванович Костров — поэт и адресат нескольких писем Суворова. Полководец нередко помогал бедствовавшему поэту материально и морально. Костров посвятил Суворову немало искренних стихов, прославляя победы нашего полководца:

...Герой наш мало спит:
Исполнен к Отечеству любви и к Богу веры,
Он скор, неутомим, предчувствует, предзрит,
Спокойно жидет всё, сообразует меры,
Любим подвластными, их попечитель нужд,
Труды являет им, как некие забавы;
Корысти подлой чужд,
Ревнитель Россам славы...

Г.П. Данилевский в журнале очень метко прокомментировал эти стихи Кострова, увидев их самобытность: «самые странности мадригальной речи того времени в устах его получают оттенок, чуждый всего смешного и приторного».

В «Журнале Министерства Народного Просвещения» состоялись первые публикации многих писем А.В. Суворова. Мы гордимся тем, что это были письма «первого ряда» суворовского литературного наследия, письма ближайшим друзьям полководца, с которыми он был особенно откровенен, — *Петру Ивановичу Турчанинову* и *Дмитрию Ивановичу Хвостову*, а также императрице *Екатерине Великой*, чья выдающаяся роль в судьбе Суворова представляется нам очевидной.

Суворов предпринимал отчаянные попытки вырваться из безделия, участвовать в послереволюционных европейских событиях. В подтексте просьбы — изменение внешней политики, желание начать боевые действия против революционной Франции. Просьба отпустить Суворова волонтером не была удовлетворена.

Не будем забывать и о публикаторе суворовских архивов в журнале, об одном из самых прославленных сотрудников Министерства народного просвещения и авторов нашего издания за всю его двухсотлетнюю историю. Григорий Петрович Данилевский родился в 1829 году в селе Даниловка под Харьковом в семье богатого малороссийского помещика. Ещё дед писателя прославился на всю округу, да так и остался в истории тем, что занимался искусственным разведением лесов в Харьковской губернии. Отец Григория Петровича умер рано, и будущий романист воспитывался матерью — способной пианисткой, интересовавшейся литературой и искусством. Григорию Данилевскому было двенадцать лет, когда он, уже получив изрядное домашнее образование, был принят в Московский дворянский институт (четвёртая гимназия). Яркое выраженное гуманитарное направление этого учебного заведения, в котором ценились и пестовались таланты, способствовало развитию литературных способностей будущего писателя. Там Данилев-

Первым кавалером ордена Суворова 1-й степени стал маршал Г.К. Жуков

*Мы приведём три письма из опубликованных в журнале Данилевским. В октябре 1792 года Суворов пишет П.И. Турчанинову в характерном аллегорическом стиле*¹³:

«И супруг вранов едва здесь видим. С новой луны непрестанные дожди, темнота, мрак, краткие дни. Бури заносят плотины; обновляющиеся необоримости; 500 кубических сажень разорвано или сожжено поддонной плиты.

В сих трудах и сокращающейся жизни оставь меня в покое, о Фальгот! воспитанный при дворе и министре и от того приобретёнными качествами препобеждающий грубого солдата! Не довольно ли уже ты меня унизил? И не от тебя ли, моего кровавого банкета десерт Каховскому? Ты меня якобы хвалишь: твой лай не столько мне вреден. Под сею благовидностью плевелы скрыты и под розами терны!

Пётр Иванович, исторгайте меня в поле. Херсон моя участь. Тут я потерян Великой Императрице! Иначе был бы вам грех. Через неделю вас потешу...»

Значительная часть этого доверительного письма содержит колкую характеристику «Фальгота» — суворовского недруга, генерала Н.В. Репнина. В письме ярко выразился темперамент Александра Васильевича Суворова, его упрямый и гордый нрав.

¹² Лопатин В.С. Суворов в своих письмах // Суворов А.В. Письма. М., 1987. С. 444.

¹³ Мы приводим адаптированный вариант писем.

Той же осенью Суворов пишет Д.И. Хвостову — своему родственнику, другу и поэту, прекрасно понимавшему причудливый суворовский эпистолярный стиль:

«Граф Пётр Семёнович Салтыков Фельдмаршал. Граф Пётр Иванович Шувалов старее его, за претензию в волосы: Шувалов к Салтыкову придрался, сменить. Конференция Шувалову — боится от двора; наклонил Бутурлина — мне он надобен: Шувалов необходим! Бутурлин из шутов в дураки, между прочим, Король заключён под Швейдницею, Бутурлин без памяти ушёл, Россия — хоть трава не расти.

Польша (никогда, как ныне, я уничтожен не был), Валериан за столом наклонил — Суворов один в Финляндии необходим: закулисный там лучше Короля. Холодно о Финляндских работах; поворот меня на юг: они хороши, необходим. Пётр Иванович Турчанинов забыл — кончит или кончу или будущие кто и без меня кончит! У регента ссора с королём. Фантазия для глупых или летящий сверчок. Необходимость — дочь Репнина, твержу его, будто других нет; в них он Астарот и благовидностию никто так играть не умеет: и всем из того польза. Упряган я здесь, есть места, где впредь упряган буду.

Петру Ивановичу Турчанинову: я не генерал-адъютант, нет недельной перспективы: и дежурства Репнина мне бега! Светил бы месяц звёзды колом. Царь жалует, псарь не жалует. Беер, что делать мне, ежели второй раз забудет, — по миру ходить: лучше абшит¹⁴, Новгородские деревни. Какая связь у Репнина с особами? и интересы: но неважно, описывайте мне с Прошкою, не поджидая к вам моему приезда.

Петру Ивановичу Турчанинову легко в связи с Репниным не любить — боится: но в участи заведён, Репнин обманывал не его; нечто он знает гиб-

Г.П. Данилевский

ский изучал иностранные языки и первые свои стихи писал сразу по-французски и по-русски. Там, в дворянском институте, он увлёкся драматургией Шекспира, к которой обратится в студенческие годы. В 1846 году он с блеском окончил институт и поступил в Петербургский университет, на камеральное отделение юридического факультета. Кроме правовых дисциплин, Григорий Петрович основательно изучал экономические и естественные науки, но главными оставались литературные занятия. На четвёртом курсе университета Данилевский написал стихотворный перевод шекспировской хроники «Ричард III», который был впервые напечатан в «Библиотеке для чтения» в 1850 году. «Цимбелин», переведённый одновременно с

хроникой, был напечатан в «Библиотеке для чтения» в 1851 году. Переводы были благосклонно замечены литературной общественностью.

Литература и история — этим двум музам Данилевский посвящал все свои способности. В 1850 он выпускается из университета и поступает на службу в Министерство народного просвещения, в котором как раз завершилась эпоха графа Уварова. Г.П. Данилевский отдал министерству семь лет — и в эти годы сформировался как самостоятельно мыслящий писатель и историк. По долгу службы он много ездил по разным губерниям, словно следуя советам Пушкина и Гоголя, которые рекомендовали писателям «проездить по России». Повсюду писатель интересовался местными преданиями, памятниками старины, изучал этнографию разных уголков Российской империи, историю исследовал не только по летописям и трактатам, но и по народным сказаниям, по молве. Впечатления от поездок, конечно, нашли своё отражение в его творчестве.

Данилевский активно посещает литературные салоны Москвы и Петербурга, заводит знакомства в литературных кругах. Писатели, журналисты, издатели, поклонники «изящной словесности»... Познакомился он и со своим литературным учителем — Николаем Васильевичем Гоголем. Встречи с Гоголем Данилевский не забывал никогда. Не раз Данилевский, подобно Погорельскому и Гоголю, обращался к украинской национальной культуре. В «Журнале Министерства Народного Просвещения» публиковались статьи Данилевского о жизни и творчестве поэта и философа XVIII века Г. Сковороды, феномен которого Данилевский начал исследовать одним из первых. Наибольшая активность Данилевского как автора нашего журнала пришлась на 1853–1856 годы, когда его авторитет в Министерстве народного просвещения укрепился и все творческие силы он посвящал просвещению. В 1857 году Данилевский оставил службу в Петербурге и возвратился на родину, под Харьков. Он всегда крепко любил Украину. Очень скоро, в том же 1857 году, Григорий Петрович женился на дочери местного помещика Ю. Замятиной. Он прочно осел в родных местах, много делал для Харьковщины. В период подготовки Крестьянской реформы на совесть работал выборным от дворян в Комитете по улучшению быта крестьян. В это время он собирал материал о жизни крепостных, об их взаимоотношениях с помещи-

ками — тема ключевая для русской литературы пятидесятих годов XIX века! Появляется рассказ Данилевского «Сорокопановка» (1859), очерк «Пенсильванцы и каролинцы» (1860). Смолоду ему не удалось утвердиться в литературе, но в зрелые годы Данилевский заработал репутацию одного из самых известных российских беллетристов. В 1862 и 1863 годах в журнале «Время», основанном и возглавляемом братьями Фёдором Михайловичем и Михаилом Михайловичем Достоевскими, были опубликованы романы Данилевского «Беглые в Новороссии» и «Воля» («Беглые воротились»), принесшие ему широкую литературную известность, даже славу. После Лажечникова и Загоскина русский читатель истосковался по захватывающим историческим романам, которые были бы «не хуже французских». Данилевский восполнял эти пробелы в русской беллетристике. В 1869 году он возвращается в Петербург, вспоминает свою министерскую службу, становится членом Совета по делам печати и редактором официальной газеты «Правительственный вестник». То были времена Д.А. Толстого и И.Д. Деянова. Григорий Петрович дослужился до чина тайного советника. В 1888–1889 годах пишет роман, в котором появляется и действует Александр Васильевич Суворов, — «Чёрный год» («Пугачёвщина»), не имевший популярности у советских издателей. Современному читателю наиболее известны его исторические романы «Мирович» (1879), «Княжна Тараканова» (1883) и «Сожжённая Москва» (1886). Умер Данилевский 6 декабря 1890 года в Петербурге. А похоронили тайного советника и писателя в селе Пришиб Харьковской губернии, неподалёку от Даниловки. Вот и вся жизнь страстного, деятельного, многое познавшего человека, сотрудничавшего в нашем журнале и боготворившего Суворова.

5

Чем был Суворов для советской педагогики, красноречиво говорит сам факт существования суворовских училищ. Журнал «Народное образование» постоянно отслеживал успехи этих учебных заведений, которые стали настоящей кузницей кадров для нашей армии, разведки, да и для педагогики. Ведь многие выпускники суворовских училищ потом возвращались в альма-матер в качестве учителей...

кость, но шурупы благовидности не разумеет, гроза ему Евангелие. Как гуляет Михельсон, он не без дела.

Петру Ивановичу Турчанинову: Херсон, там мне то и дело, здесь кончит иной, есть Павел Сергеевич Потёмкин, Тучков, а генерал-майор князь Фёдор Павлович Щербатов руководствует.

Я, мне важности: Термофил уже нет, Российское оружие — оружие Зевеса — или ныне править могут Кардиналы, Демосфены и Терзиты.

Живая грамота, вами употребляемая, — женское: живая грамота — Вы! У всякого другого вихрь развеет на пути память. Личности переменяют смысл и вид. Не презирайте искрою. Лай-лиз, участь — корысть, молва — подкоп. Зарница — Перун.

Суворов в этом письме стесет на придворные интриги, всегда мешавшие российскому делу, от Семилетней войны до его, суворовских, неприятностей в 1790-е годы... Разочарование в друге (Турчанинове) и неприятие бабьих сплетен («Живая грамота, Вами употребляемая, — женское»), даже когда они происходят из лучших побуждений, также сквозят в этом письме.

*И в заключение —
письмо императрице:*

«**В**семилостивейшая Государыня! Ваше Императорское Величество всеподданнейше прошу: Высочайше повелеть меня, по здешней тишине, уволить волонтьёром к немецким и союзным войскам на сию кампанию с оставлением мне нынешнего содержания из Высокомонаршего милосердия.

Повергая себя к Освященнейшим стопам

Всемилостивейшая Государыня!

*Вашего Императорского Величества
Всеподданнейший
Граф Александр Суворов-Рымникский
Июня... 1793 года. Херсон.*

Гимном суворовцев остаётся песня композитора А. Новикова на стихи М. Левашова «Учил Суворов». Помните эти слова?

Учил Суворов в лихих боях
 Держать во славе Российский флаг.
 Отцом и братом Суворов был,
 Сухарь последний с бойцом делил...
 За честь Отчизны я постою,
 В ученье трудно — легко в бою.

Но в суворовских училищах, как и в их предтечах — кадетских корпусах, в почёте творческие способности. Среди суворовцев всегда находились свои таланты: композиторы и поэты, певцы и музыканты. И у каждого училища был свой марш, создаваемый преподавателями и юными суворовцами. В числе первых возникло и суворовское училище в городе Горьком. 23 февраля 1951 года корреспондент журнала «Народное образование» Н. Можаяев побывал в Горьковском суворовском училище на праздничной линейке. Там по традиции звучал «Марш суворовцев», написанный служившими в горьковском суворовском училище преподавателем музыки Аникиным (музыка) и преподавателем химии Мурашовым (стихи):

Открытки
 1940-х годов
 из коллекции
 В.А. Гурковского

В году боевую и суровую
 Отчизна нас под знамя созвала,
 И именем фельдмаршала Суворова
 Она наш юный корпус назвала.
 Надёжный щит страны,
 Гроза для злого врага,
 Мы Сталина сыны,
 Мы правнуки Суворова!

Гремел марш суворовцев. И несомненной была преемственность с традициями великого полководца, с его учением. На примере его жизни воспитывались офицеры советской армии. Как и Пушкин, Суворов стал одним из символов нашей культуры.

